

С. В. Соловьева

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ НАД ВЕЩАМИ: ТРУД, СТЯЖАТЕЛЬСТВО, АВАНТЮРА

Через обращение к понятию «власть над вещами» описывается человеческий опыт владения, управления, распоряжения вещами. Разнообразие указанного опыта выражается в выделенных автором экзистенциальных стратегиях власти над вещами – трудовой, авантюрной, стяжательской. Предложенный ракурс анализа расширяет поле смыслов и перспектив философского исследования власти, в том числе и через осмысление укорененности власти в жизни человека.

Using the concept of «power over things», this article describes human experience in the ownership, management and disposal of things. The diversity of this experience manifests itself in the existential strategies of power over things distinguished by the author – labour, adventures and acquisitiveness. The suggested line of analysis extends the field of meanings and prospects of philosophical research on power, including that involving the comprehension of power in the life of a human being.

Ключевые слова: власть, власть над вещами, экзистенциальная стратегия, труд, авантюра, стяжательство, собственность, случай, творение.

Key words: power, power over things, existential strategy, labour, adventure, acquisitiveness, property, chance, creation.

Категория власти является ключевым понятием философии модерна и постмодерна. Традиция от Ницше до Фуко и Рансьера существенно расширила понимание власти, придав ей неполитический смысл. Продолжая эту традицию анализа власти, необходимо поднять вопрос об ее экзистенциальном смысле. Решение этой проблемы позволит не просто рассмотреть власть как систему институтов господства, но и изучить ее со стороны укорененности в человеческом существовании. Власть не против человека. Проявляясь в исконных «регионах» жизни, она находится на стороне человека. Интеллектуалы XX в. предприняли попытку радикальной критики власти, так и не создав проект по позитивному ее определению. Думаю, что настало время для апологии власти, это позволит увидеть власть в фокусе ее участия в жизни человека. Власть объявляет о себе во множестве ситуаций, но в центре нашего внимания находится власть над вещами, наиболее зримо открывающаяся в таких феноменах, как богатство и собственность.

Словосочетание «власть над вещами» можно воспринять скорее как метафору, а не как строгую научную категорию, так как на уровне очевидного представления власть предполагает отношения между людьми, а не между человеком и вещью. В то же время понимание ценности вещей как ресурса, необходимого в управлении людьми, позволяет обратиться к изначальному опыту власти, который присутствует в опыте владения и упорядочивания системами вещей. Сочетание «власть над вещами» хотя и метафорично, но в то же время и сущностно, так как открывает важную цепочку смыслов и высвечивает разнообразие ракурсов анализа.

Власть над вещью обретает свою законченность в перспективе «владения». В русском языке слова «власть», «владение», «волость» являются однокоренными. «Владеть чем, — как пишет Даль, — владать, обладать; владычествовать властвовать; *управлять* полновластно; *иметь* в своей собственности, *называть* по праву своим. Владеть государством; владеть рукою, ногою; владеть помещьем. <...> Владание, *власть*. Своя рука владыка. Своя рука, да над своим добром — владыка» [5]. Власть — не только мощь, сила, но и владение, т.е. нечто такое, что распространяется на способность обозрения территории, это то, что делает для человека нечто открытым и очерченным в границах. Власть как владение открывает перспективу простора, поэтому владение и распоряжение вещами выходит за рамки экономического значения. Владение вещью предполагает власть в смысле «сделать простор своим», поставить ему границы, сделать его доступным для контроля и обозрения. Аккумулируя, сберегая вещи, человек позволяет вещи сбыться во владении, занять именно ей отведенное место в пространстве жизни и культуры. Владение, волость — это не только сбережение вещей, но и создание простора для их нахождения. «Собственное владение, — пишет Хайдеггер, — свободная обширность которого впервые позволяет всякой владеющей чим вещи открыться, покоясь в самой себе. Но одновременно им названо и сбережение, собиранье вещей в их взаимоотножности» [11, с. 314]. Это состояние

владения вещью как простором испытывает кочевник, которому открывается ширь его пастбищ, или миллионер, занимающий последний этаж в небоскребе Нью-Йорка.

Власть над вещами как расположение человека в отношении к вещи предполагает наличие нескольких экзистенциальных стратегий¹, позволяющих человеку существовать под знаком управления вещами. Можно выделить по крайней мере три жизненные стратегии власти над вещами: трудовую, стяжательскую, авантюрную. Успешная и последовательная реализация этих стратегий может привести к богатству, владению имуществом или тому порядку вещей, который социально опознается как богатство.

Первая экзистенциальная стратегия власти над вещами реализуется через труд, в основе которого лежит создание вещи. Наиболее зримо эта мысль проводится в чтении Кожевым Гегеля. Гегель, как известно, поставил вещь между Господином и Рабом, где самостоятельность вещи открывается Рабу (он ее обрабатывает), а потребляемость и несамостоятельность вещи предоставлена Господину [3, т. 4, с. 103]. Так, вещь соединяет в себе диалектическое противоречие *для себя бытия и бытия для чего-то другого*. Отрицание природы проявляет свою реальность в труде Раба (Гегель), а также Гражданина, добавляет Кожев. Труд и борьба есть способы действия человека в мире, где на долю Господина выпадает борьба, Рабу — труд, а для Гражданина — и то и другое. Как пишет Кожев: «Человек существует настолько, насколько он трудится, а Труд и есть сущность и существование человека. С помощью Труда человек замещает враждебный ему и отрицаемый им природный мир техническим или культурным (историческим) миром» [8, с. 306]. Так труд становится способом обживания враждебности природного мира.

Труд с точки зрения культурных стереотипов порождает множество парадоксов. С одной стороны, только в процессе трудового усилия возможно появление нового, с другой — то, что создается на основе труда, кажется менее совершенным, чем вдохновение творчества. Этимология слова «труд» убедительно показывает, что оно имеет негативный семантический контекст неприятной обязанности, тягостной неизбежности, необходимости усилий. Например, «труд» и «трудно» в русском языке — однокоренные слова, так же как «работа» и «раб». Бросается в глаза высокая степень неопределенности понятия «труд», отсутствие строгости в содержательном толковании, определенная логическая противоречивость [12, с. 263–265].

Идея труда и трудолюбия в процессе создания вещи (мотив протестантской этики) «внедрила» в сознание людей стереотипы: «трудиться — значит молиться» (религиозная версия), «труд есть первая жизненная потребность человека» (светская, идеологическая). Маркс, как толкует К. С. Пигров, соединил два начала — внутреннюю потребность в труде (любовь, наслаждение им и его результатами) и внешнюю необходимость (труд как императив, долг) [10, с. 24]. Труд был поднят до уровня творчества и вдохновлял идеей призвания. Труд и творчество, соединяясь, образовывали новую энергию в подчинении вещей собственной воле и силе. «Он работал напряженно и плодотворно с утра и даже до глубокой ночи, за исключением тех часов, когда ходил в библиотеку или навещал Руфь. <...> Но Мартину такой труд был нипочем. Он даже не считал это за труд. Просто он обрел дар речи, и все мечты, все мысли о прекрасном, которые долгие годы жили в нем, хлынули наружу неудержимым, мощным, звенящим потоком» [9, с. 81–82, 85].

В трудовой стратегии власть над вещью имеет орудийный, инструментальный характер. Здесь контроль над вещью замаскирован и наименее визуален, что связано с процессом отчуждения вещи от ее создателя (тезис значим не только в отношении труда рабочего, но также и в отношении произведения художника). Власть над вещью в трудовой стратегии осуществляется в действии соединения тела/сознания и материала для созидания вещи. Действие этой власти обнаруживается в освоении вещи до уровня мастерского владения ей как инструментом в действии. «Джо заботливо распоряжался минутами, никогда не терял ни одной, считал их, как скряга считает золото, работал яростно, неистово, как машина, в постоянном контакте с другой машиной, которая некогда была человеком по имени Мартин Иден. <...> Они оба были призраками в царстве нескончаемого труда» [9, с. 135]. В орудийном освоении вещи человек натывается на затруднения в форме сопротивления материала и среды, которое он должен преодолеть.

Ярким маркером власти в трудовой стратегии власти над вещью выступает успех и признание. Человек, способный организовать ситуацию успеха, производит вещи и смыслы. Он властвует над реальностью, движимый идеей *признания*. Признание как победа в утверждении власти над вещью специфична, так как никогда не окончательна, но дарует все новые силы в созидании и творении

¹ Экзистенциальная стратегия — это сознательные и долгосрочные намерения человека, которые упорядочивают множество его действий и чаще всего имеют явно сформулированные цели. Стратегия задает порядок его действий, а ее выбор исходит из внутреннего экзистенциального запроса человека.

вещей. «Ведь поражение от победы ты сам не должен отличать», — строки Пастернака, которые открывают неуловимость и неустойчивость победы в творении новых вещей, в каком-то смысле ее невозможность как окончательного события бытия. Пастернак прав, в победе существенно не то, что она есть свершившийся факт истории, но событие, которое должно постоянно возвращаться, чтобы быть таковой. Во всяком успехе помимо труда и упорства требуется доля случайности — то, что Джек Лондон называет «прихотью судьбы», по сути дела означает событие победы, которое, однажды свершившись, должно повторяться.

В первой стратегии власти над вещью труд заявляет о себе как противоположность случая. В данной экзистенциальной стратегии случай не отвергается, но человек не может на него полагаться. Случай — это слишком неуправляемая и бурная стихия, которую труд не осваивает, но отвергает и преодолевает в усилении и держании вещи, в мастерском овладении ее энергией при сопротивлении материала. Случай необходим для создания имени, но не для утверждения своей власти над вещью, проникновения в ее сущность. Созидатель никогда не может рассчитывать на попутный ветер, у него всегда в запасе есть весла, которыми он будет преодолевать неугомонный и непредсказуемый (возможно, и счастливый) случай.

Человек, созидающий, творящий, управляющий вещами, создает лицо ситуации, становится символом успеха. Власть действует как механизм придания персонального лица определенному социальному феномену. Человек получает доступ к власти и могуществу в силу того, что он выиграл агон в борьбе за влияние, доказал уникальность созданного им творения (вещи). Состоятельность субъекта власти основана на проверке, например, *cogito* Декарта должно пройти процедуру фундаментального сомнения, которая позволит ему мыслить истинно, всеобще, необходимо. Власть над вещами и ситуацией обретается через процедуру проверки, чтобы получить доступ к механизмам влияния, чтобы получить признание и засвидетельствовать его в ситуации успеха (победы). Одним из знаков данной власти может выступать безупречная репутация. Репутация — это самая существенная доля в достижении успеха, в утверждении легитимности своей власти над вещами, обстоятельствами, обретении авторитета среди определенного круга людей. Особенно существенное значение репутация имеет в сфере бизнеса.

Инструментальный, орудийный характер власти над вещью в созидательной стратегии власти над вещами передается и на деньги. Деньги в трудовой, созидательной стратегии являются средством платежа, они имеют экономический смысл и лишаются ореола таинственности или статуса сокровища. Деньги здесь — лишь знак успеха, и в этом смысле они значимы и желанны: «Как голодный человек не может отвести взоров от пищи, так и Мартин, у которого давно не было ни цента в кармане, не мог выпустить монеты из рук. Он не был ни жаден, ни скуп, но деньги означали для него нечто большее, чем известное количество долларов и центов. Они означали успех, и чеканные орлы на монетах казались Мартину крылатыми вестниками победы» [9, с. 198]. Деньги обретают значение вознаграждения за труд, за аскетизм жизни и последовательность усилий. Подобно тому, как труд выступает посредником между человеческим телом/сознанием и объектом (материалом для создания вещи), деньги — посредник между человеком и благами цивилизации.

Второй экзистенциальной стратегией власти над вещами выступает авантюра. Яркими примерами авантюрной стратегии жизни выступают Остап Бендер, Чичиков, золотоискатели, предприниматели, живущие в ситуации крайнего риска, или, как говорит К.С. Пигров, по принципам «бытия на авось». Вещь в трудовой стратегии власти над вещами понимается как результат творчества и труда, власть объявляет себя как способность к ее созданию. Вещь же в авантюрной стратегии представляет собой предмет «желания», и жажда обладания ею вводит человека в ситуацию поиска с целью захвата и обладания вещь-объектом желания. Зона желания — это всегда зона риска (желанно то, что недоступно, что требует усилия и риска), авантюрист всегда рискует, движимый жаждой реализации своего проекта. В авантюрной стратегии власть над вещами можно получить, справившись с риском. Авантюра ориентирована на культивирование опыта экзистенциальной нехватки в ситуации неопределенности и случая.

Чтобы понять авантюрного деятеля, нужно осмыслить мотивы его деятельности. Им движет не стремление к истине, не поиски спасения, не страх перед голодом, им руководит особый мотив, связанный с неугасаемой жаждой нового. Путь авантюриста пролегает через те дороги, которые еще не хожены людьми. «Героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль, которая когда-либо приходила в человеческую голову, — пишет Гоголь. — "Эх, я Аким-простота, — сказал он сам себе, — ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали

ревизских сказок... вот уж двести тысяч капиталу! <...> А главное то хорошо, что предмет-то покажется всем невероятным, никто не поверит!» [4, с. 231]. К.С. Пигров прекрасно описывает данный опыт власти человека над вещами, разрабатывая оригинальный концепт авантюрного «авось-бытия». Авантюра базируется на случайности, причем на случайности, переживаемой субъективно. В опыте авантюрного бытия человек сталкивается с «декорацией случайностей». Если в реальном мире случайность имеет место, энтропия растет, то в мире романов, авантюры или авось-бытия случайность «декоративна». Человек потому и человек, что «обречен (или «призван»?) к бытию на грани романного приключения и реальной авантюры» [10, с. 24–27].

Власть над вещами Остапа Бендера, его путь к обладанию чемоданом Корейко или сокровищами из стула, а также предприятие с мертвыми душами Чичикова пролегал через опыт авось-бытия, через авантюры и счастливые случайности. Вот как описывают авторы романа «Двенадцать стульев» силу авантюризма героя: «Остапа не тревожила неудача с этим стулом, четвертым по счету. Он знал все штучки судьбы. <...> Великий комбинатор находился на положении рулеточного игрока, ставящего исключительно на номера, одного из той породы людей, которые желают выиграть сразу в тридцать шесть раз больше своей ставки» [6, с. 237]. Пусть постигла неудача с четвертым стулом, это не беда! Главное, что неудача увеличила шанс на богатство в будущем. Авантюрист, страстно жаждущий богатства, никогда не может отказаться от авантюры, но также он никогда не может довести их до конца. А значит, речь идет о фундаментальном определении человека. «Надобно отдать справедливость непреодолимой силе его характера, — пишет Гоголь о Чичикове. — После всего того, чтобы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человека, в нем не потухла непостижимая страсть. <...> И, однако же, он не мог отказаться от новых попыток» [4, с. 229]. Падать и подниматься вновь — вот в чем выражается сила и страсть авантюриста. Поэтому богатство как цель авантюрной стратегии власти над вещами — не наличный капитал, но особый опыт мышления и действия, который располагается в жажде власти, действии отнесения себя к области вещей и их расположений.

В авантюрной стратегии преобладает архаическое (неэкономическое) отношение к деньгам как к чуду, нерядовому событию, дару. Как подмечает К.А. Богданов, здесь деньги как бы противостоят традиционному обиходу, более того, они находятся как бы за сферой обыденной и нормативной повседневности. Деньги указывают на возможность чуда, а чудо — на возможность денег. Чтобы понять экзистенциальный вес денег, «принципиально необходим допуск либо абсурда, либо чуда». Для архаической традиции деньги чудотворны и представляют собой «главную движущую силу происходящих вокруг чудес» [2, с. 13–23]. В русском фольклоре разбойник, солдат, а часто и купец (Афанасий Никитин, Садко, купец из «Аленького цветочка») — персонажи, утверждающие авантюрную стратегию власти над вещами. Чтобы реализовать ее, они должны обладать навыком существования в зоне денег, показать свою способность жить в ситуации риска, в котором господствует случай. Культурным символом авантюрной стратегии является дорога (как в ее реальном, так и в метафорическом смысле): Бендер, Чичиков находятся в пути, где жизнь сплетается из мелькания событий, движение наводит ужас и одновременно притягательно своим непостоянством и случайностью. Знаменитое окончание «Мертвых душ» — тому прекрасная иллюстрация...

Авантюрист искренне полагает, что минимальное вложение денег при удачных обстоятельствах способно привести к огромному состоянию: «Время, — сказал он, — которое мы имеем — это деньги, которых мы не имеем. Киса, мы должны делать карьеру. Сто пятьдесят тысяч рублей и ноль-ноль копеек лежат перед нами. Нужно только двадцать рублей, чтобы сокровище было нашим» [6, с. 332]. Неравнозначность ставок (двадцать против ста пятидесяти тысяч рублей!) не порождается наивностью, но связано с пониманием жизни как цепи случайностей. У авантюристов существует два вида случаев: естественный (счастливая фортуна, наиболее часто встречающаяся в действиях и жизни авантюристов) и неожиданный (нарушающий порядок вещей, угрожающий жизни).

Власть в авантюрной стратегии завладения и управления вещами выражается в способности и силе человека управлять(ся) стихийной силой случайности. Власть как сила человека проявляется в его возможности включаться в поток случайности, иметь энергию и силу существовать в непредсказуемости жизни. Власть как способ управления силой заключается в способности человека овладевать и управлять вещами в стихии случайности.

Третья стратегия власти над вещами ориентирована на культивирование опыта экзистенциальной полноты, возникающей как эффект абсолютной власти над вещью. Вещь в авантюрной стратегии выступает как зона чуда, вступление в которую дарует человеку власть над

случайностью. Вещь в стяжательской стратегии становится ценностью, которая является предметом полного обладания и произвола. Стяжательская стратегия — это власть над вещами под знаком собственности. В мягком выражении эта стратегия реализует себя в опыте владения богатством, где обладание имуществом связано с обустройством пространства своей жизни как в материальной, так и в социальной перспективе. Крайней формой данной стратегии выступает образ Скупого рыцаря или Плюшкина. Опыт «своего», «моего» — вот ключ к пониманию стяжательской стратегии власти над вещами.

Власть над вещами дает стяжателю уникальный опыт «моего», «своего», открывает ему полноту и ценность собственного бытия, компенсируя недостаточность в иных регионах экзистирования. Богатство, деньги, ценные вещи для скупого рыцаря — это не блеск золота, но мучительный путь воздержаний и аскетизма тела, страданий души, которая, отворотившись от совести и радости, жила в преодолении себя во имя силы, власти денег, во имя «моего».

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый.

А. С. Пушкин

Богатство становится наградой за те мучения, которые постигла душа и тело рыцаря, а деньги, сила — плата за воздержание и опыт «своего», история событий, потрясений, которые возникли благодаря неутомимой жажде обретения и власти над вещами. Собственность в экзистенциальной перспективе — предельный и чистый опыт стяжания, где даже воздержание становится его моментом, когда аскетизм дает новые и все более головокружительные дивиденды.

Власть над вещами стяжателя кажется непривлекательной. Главный упрек стяжателю — жадность. «Максима жадности приобретения (как максима расточителя), — пишет Кант, — такова: доставать и получать все средства к жизни в достатке с целью употребления. Максима скарденности, напротив, состоит в приобретении и сохранении всех средств к жизни в достатке, но без намерения употреблять их (т.е. цель здесь не употребление, а обладание)» [7, с. 455–456 (курсив И. Канта. — С. С.)]. В стяжательстве ярко высвечивается трагизм обладания: стяжание не только дает силу воображаемой власти, но и содержит силу превращения человека в раба вещей и собственного богатства.

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит.
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, все бегаёт да лает.
А золото спокойно в сундуках
Лежит себе...

А. С. Пушкин

Власть стяжателя обращается в конце жизни в трагедию. Трагедия стяжателя кроется в конечности жизни, а значит, в вопросе о наследии. Смерть человека, который выстроил империю влияния и власти, поднимает насущный вопрос о преемстве. Искусительность стяжательства состоит в том, что оно создает иллюзию полной власти, где власть стяжателя становится стремлением реализовать бессмертие, что делает стяжательство (как крайнюю форму собственности) понятным и в каком-то смысле оправданным. Стяжательство — это попытка бегства человека от смерти в бессмертие. «Начало собственности, — пишет Бердяев, — связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время. Собственность родилась в борьбе человеческой личности со стихийными силами природы. <...> Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица, с правами его над материальной природой после его смерти» [1, с. 304]. Стяжание как феномен власти событийно, оно соткано из событий обладания и управления силой вещей. Стяжательство как попытка преодоления смерти и конечности жизни ставит человека перед проблемой выбора

наследника, так как теперь от последнего будет зависеть сохранение накопленного ресурса. И в этой точке стяжатель становится невластным над будущим своего богатства, его владение обрывается... Наследование существенно в трех отношениях. Во-первых, власть как событие имеет разрывы во времени, а значит, необходимо нечто такое, что возвращало бы ее к истоку, поэтому наследие обнаруживает преемственность власти человека над вещью. Во-вторых, наследование важно как возможность передачи и сохранения власти над вещью во времени после смерти. В-третьих, это мощный ресурс власти и влияния на наследников.

Стяжательская стратегия есть презентация власти как полного и радикального произвола человека в отношении к вещи. Управлять вещью по собственному произволу — вот цель и смысл стяжателя. Власть над вещью стяжательской стратегии открывает себя как произвол, а за этим стоит и произвол по отношению к другому.

Таким образом, власть человека над вещами, опыт его обладания ими открывается в созидательной, авантюрной, стяжательской стратегиях. Любой опыт власти над вещами тотален, имеет глубокие экзистенциальные основания и смысл вне зависимости от положения человека в сфере социальных отношений. Качество и комбинаторика этих регионов опыта (авантюра, стяжание, труд) в каждой индивидуальной судьбе своя, но само переживания обладания, власти над природой и вещами тотально и принадлежит существу человеку.

Предложенный ракурс анализа власти существенно расширяет поле смыслов и ракурсов исследования власти (объясняя, в частности, известный тезис о собственности как естественном праве человека в экзистенциальной перспективе), показывает укорененность власти в жизни человека и создает перспективы для нового концепта политического. Думаю, что идея «смерти политического», которая активно обсуждается в современной французской философии, — скорее стимул для поиска свежего и адекватного эпохи постмодерна взгляда на власть.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русская философия собственности / сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб., 1993.
2. Богданов К.А. Деньги в фольклоре. СПб., 1995.
3. Гегель Г. Феноменология духа // Соч. М., 1959. Т. 4.
4. Гоголь Н.В. Мертвые души: поэма. М., 1988.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/215394> (дата обращения: 02.01.2009).
6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. СПб., 2006.
7. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995.
8. Кожев А. Очерк феноменологии права // Кожев А. Атеизм и другие работы. М., 2007.
9. Лондон Дж. Мартин Иден. Екатеринбург, 1993.
10. Пигров К.С. Страсть к наживе и страсть к творчеству: феноменология интеллектуальной инициативы // Предприниматель и успех: сб. статей / под ред. К.С. Пигрова. СПб., 2006.
11. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
12. Шкурин А.М. Концепции труда в истории философской мысли. Владивосток; Хабаровск, 2003.

Об авторе

С.В. Соловьева — канд. филос. наук, доц. кафедры философии гуманитарных факультетов, Самарский государственный университет, e-mail: solov@ssu.samara.ru

Author

Dr. S. Solovyova, Associate Professor, Department of Philosophy of Institute of Humanities, Samara State University, e-mail: solov@ssu.samara.ru